

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-13-22

УДК 32(045)

Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы

С.Л. Чепель

Финансовый университет; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается динамика электоральной подвижности в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в начале XXI в. как фактор, влияющий на стабильность партийных систем. Автор подчеркивает, что неустойчивость партийно-групповых связей сдерживает процесс институционализации политических партий, чрезмерно усиливает политическую неопределенность, снижает степень ответственности правящих элит, что в целом затрудняет консолидацию режимов «новой демократии». Отмечается, что ограниченный уровень доверия политическим партиям, представляющий собой характерную черту политической культуры посткоммунистических обществ, является во многом результатом слабо выраженных исторических социально-политических размежеваний как наследия тоталитарной эпохи. Неустойчивая партийная идентификация граждан посткоммунистических государств ЦВЕ проявляется в значительной степени мобильности электората. Однако сохранение электоральной подвижности избирателей на высоком уровне связано также с применением избирательных систем, полностью, либо по большей части, базирующихся на принципе пропорциональности. Автор приходит к выводу, что на современном этапе условием консолидации посткоммунистических демократий в странах ЦВЕ становится обеспечение стабильности органов государственной власти за счет некоторого ограничения их представительности. Поэтому политические партии, потенциально выигрывающие от применения мажоритарных электоральных систем, будут стремиться к осуществлению реформы действующего избирательного законодательства.

Ключевые слова: электоральная подвижность; партийная идентификация; консолидация демократии; политическая партия; избирательная система; посткоммунистические страны; партийная система.

Для цитирования: Чепель С.Л. Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):13-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-13-22

ORIGINAL PAPER

Electoral Volatility and Stability of Party Systems in Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe

S.L. Chepel

Financial University; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

ABSTRACT

The article examines the dynamics of electoral volatility in the post-communist countries of Central and Eastern Europe at the beginning of the XXI century as a factor which influences the stability of party systems. The author emphasizes that unstable party and group links impede the process of the institutionalization of political parties, excessively increase political uncertainty, reduce the level of the responsibility of ruling elites. All these things as a whole make the consolidation of "new democracy" regimes more difficult. The author noted that the lowered confidence in political parties being the characteristic of the political culture in post-communist societies is mostly the result of a weakly expressed historic socio-political cleavage which comes out as the legacy of the totalitarian age. In the post-communist states of

CEE, the unsteady party identification of citizens is expressed in considerable mobility of the electorate. However, the high level of electoral volatility accounts for using electoral systems that, for the most significant part are based on the principle of proportionality. The author concluded that presently the consolidation of post-communist democracies in countries of CEE is possible on condition that the stability of public authorities is provided at the expense of restraining their representation to a certain extent. Consequently, political parties which potentially gain using majoritarian systems will strive for the realization of a reform of the electoral law that is currently in force.

Keywords: electoral volatility; party identification; consolidation of democracy; political party; electoral system; post-communist countries; party system

For citation: Chepel S.L. Electoral volatility and stability of party systems in post-communist countries of Central and Eastern Europe. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences.Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):13-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-13-22

Преобладающей тенденцией политического развития постсоциалистических стран в начале XXI в. стало замедление темпов процесса демократизации. В период 2008–2018 гг., по оценке исследовательской организации Nations in Transit, в 19 из 29 посткоммунистических и постсоветских государств наблюдалось падение качества демократии по одному или даже нескольким показателям, таким как демократичность системы правления на национальном и местном уровне, избирательный процесс, гражданское общество, независимость СМИ, независимость судебной системы, коррупция. Согласно методике определения уровня демократического развития, используемой этой организацией, политические режимы могут получить от 1 до 7 баллов, где 1 — наивысший показатель, а 7 — самый низкий. В указанный период, по данным Nations in Transit, средний показатель качества демократии снизился в постсоциалистических странах Евразийского региона с 5,84 до 6,10; Балканского региона — с 4,03 до 4,24; Центрально-Европейского региона — с 2,33 до 2,67¹. Ослабление демократии в большинстве посткоммунистических и постсоветских государств в начале XXI в. свидетельствует о сохранении в этой группе стран ограниченного либо даже низкого культурно обусловленного общественного спроса на политическую свободу. Но, как в свое время заметил Г. Алмонд, отвечая на вопрос, «является ли удовлетворенная и демократическая общественность порождением демократии или же наличие соответствующей политической культуры ведет к появлению демократической политической

системы»: «Безусловно, взаимосвязь здесь двоякого рода» [1]. Иными словами, включение граждан в деятельность демократических политических институтов способно существенно изменять их политическую культуру. Поэтому исследование влияния избирательных правил на уровень подвижности электората и на степень стабильности партийных систем дает возможность выявить причины замедления демократического развития посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

В статье в качестве изучаемых кейсов выступают такие страны, как Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, а также Латвия, Литва и Эстония. Включение балтийских государств, членов бывшего Советского Союза, в группу анализируемых кейсов представляется вполне оправданным с точки зрения методологии сравнительных исследований. Во-первых, как страны западного христианства, государства Балтии исторически всегда оставались частью восточно-европейского культурного пространства. Во-вторых, как и все социалистические страны Европы, государства Балтии находились в составе советского блока относительно короткий срок, что объективно ограничило масштабы тоталитарной трансформации их общественной жизни. Наконец, все девять стран, отобранные для изучения, это новые члены Европейского Союза, условием пребывания в котором является безупречная прочность демократического режима. В то же время нельзя отрицать, что пребывание в составе СССР наложило заметно более выраженный отпечаток «советизации» на политическую культуру стран Балтии, в отличие от социалистических государств Европы, сохранявших формально свою национальную самостоятельность. В этой связи можно вполне согласиться с утверждением Б. Эпперли о том,

¹ Nations in Transit 2018 Confronting Illiberalism. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_NationsInTransit_Web_PDF_FINAL_2018_03_16.pdf.

Таблица 1 / Table 1

Доверие политическим партиям в странах Центральной и Восточной Европы в период 2004–2018 гг. (по шкале от 0 до 10, среднее значение) / Trust in political parties in Central and Eastern Europe in the period 2004–2018 (on a scale of 0 to 10, the average value)

Страна / Год	2004	2008	2010	2012	2014	2016	2018
Болгария	–	1,7	2,0	1,8	–	–	2,1
Венгрия	2,7	2,0	3,1	4,2	3,0	3,6	3,9
Латвия	–	1,6	–	–	–	–	–
Литва	–	–	2,2	–	3,0	–	–
Польша	1,9	2,3	2,5	2,2	2,0	2,4	3,2
Румыния	–	3,1	–	–	–	–	–
Словакия	2,7	3,6	2,7	2,8	–	–	–
Чехия	2,7	2,9	2,7	2,7	3,4	3,5	3,6
Эстония	3,1	3,2	3,4	3,2	3,4	3,6	3,7

Источник / Source: URL: <https://www.europeansocialsurvey.org>.

что «ни одно из клиентских восточноевропейских государств не испытывало такого же уровня контроля со стороны Москвы и тщательности в разрушении местных институтов как Эстония, Латвия и Литва» [2]. Тем не менее современные Латвию, Литву и Эстонию можно отнести в большей степени к категории стран ЦВЕ, чем к группе постсоветских государств.

Одним из ключевых показателей прочности демократического режима является устойчивое функционирование конкурентной партийной системы. Как отмечал Э. Штатшнайдер, «политические партии создали демократию и современная демократия немыслима в условиях отсутствия партий» [3]. История стран Запада свидетельствует о том, что деятельность партий как политических организаций ориентированных, главным образом, на выполнение electoralной функции действительно способствовала укреплению возникавших в XIX в. демократических режимов за счет направления имеющихся социальных разногласий в русло политического диалога и поддержания эффективных каналов взаимосвязи гражданского общества и правящих элит. Вместе с тем органичный процесс модернизации в странах Запада, сопровождавшийся последовательным распространением гражданских ориентаций в массовой культуре, содействовал росту общественного доверия политическим партиям. Поэтому становление партии как стабильного социально значимого

института происходило не столько вследствие нормативного регулирования политического процесса, сколько, по выражению К. Джанды, за счет «материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения» [4]. В посткоммунистических странах ЦВЕ формальное законодательное закрепление места и роли партий в политической системе было осуществлено еще на первом этапе демократических преобразований. Однако процесс укоренения партий в политической культуре общества не завершён в полной мере до настоящего времени, что представляется главной причиной организационной и идеологической нестабильности партийных систем. Как справедливо отмечает в этой связи С. Бёрч, «большинство появившихся в Центральной и Восточной Европе партийных систем характеризуются текучестью, расколами, объединениями и слабыми связями с избирателями» [5]. Нестабильность партийных систем создает угрозу процессу консолидации посткоммунистических «новых демократий». Во-первых, она препятствует институционализации партий, сдерживая формирование долговременной взаимосвязи партийных элит и избирателей. Во-вторых, значительно повышает уровень политической неопределенности, ослабляя взаимодействие партий и социальных групп в борьбе за реализацию альтернативных

программ развития общества. В-третьих, снижает степень ответственности правящих элит, так как быстрое и частое организационное и идеологическое переформатирование партий не позволяет избирателям точно судить о том, какие политические силы действительно заслуживают их поддержки на грядущих парламентских выборах. Как видно из *табл. 1*, низкий уровень доверия партиям был и остается типичной чертой политической культуры обществ ЦВЕ.

Несмотря на преобладание в общественном сознании посткоммунистических стран ценностей выживания, которые должны способствовать укреплению чувства коллективизма и обеспечивать стабильную поддержку социальными группами политических партий, выражающих их социально-экономические запросы, партийная идентификация граждан посткоммунистических стран ЦВЕ спустя 20 лет после начала демократического перехода продолжает оставаться невысокой и неустойчивой. По данным Европейского социального исследования, с 2008 по 2018 г. доля граждан, заявивших о том, что какая-то политическая партия им ближе, чем остальные, выросла в Венгрии с 38 до 42% и в Польше — с 23 до 33%, но снизилась в Болгарии — с 53 до 39%, в Чехии — с 41 до 38%, в Эстонии — с 44 до 41% [5].

Когда политические партии служат основными каналами социального представительства, а также формируют состав законодательных собраний и правящих кабинетов, условием стабильного функционирования демократического механизма выработки государственного курса выступает прочность партийно-групповых связей. Одним из главных показателей степени приверженности граждан политическим партиям является динамика электоральной подвижности, отражающая интенсивность смены партийных предпочтений электората. Научный интерес к проблеме электоральной мобильности в странах Западной Европы усилился в 70-е гг. XX в., когда под влиянием начавшегося в общественном сознании культурного сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения стало меняться отношение избирателей к сложившимся партийным системам. Эти перемены выразились, прежде всего, в ослаблении позиций ведущих политических партий, которые в недавнем прошлом полностью контролировали электоральное поле, и росте популярности партий, выражающих запросы нового электората, в качестве кото-

рого стал выступать формирующийся массовый средний класс. «Взаимоотношения между избирателями и партиями, очевидно, претерпели изменения, — писал в этой связи датский исследователь М. Педерсен, — в одних странах обнаружена тенденция понижения партийной идентификации, в других — увеличение доли неконвенционального политического поведения, в некоторых случаях произошел полный переход большого количества избирателей от старых партий к новым»². Для определения уровня электоральной подвижности М. Педерсен предложил использовать специальный индекс, фиксирующий в процентах наличие или отсутствие изменений в поддержке избирателями действующих партий на следующих друг за другом парламентских выборах. Применение индексного подхода позволило М. Педерсену сделать вывод об общем усилении электоральной мобильности в демократических политических системах в период 1948–1977 гг., хотя динамика смены партийных предпочтений избирателей различалась в зависимости от страны. Дальнейшие исследования показали, что средний индекс электоральной подвижности в «старых демократиях» оставался достаточно умеренным, составив в период 1945–2005 гг. в Западной Европе и США 10,7% [6, р. 4]. Иная картина складывалась в странах «новой демократии», где наблюдались высокая и очень высокая мобильность электората. Так, средний индекс электоральной подвижности в поставторитарных странах Латинской Америки в период 1983–2005 гг. составил 26,4%, а в посткоммунистических странах ЦВЕ и постсоветского пространства в период 1990–2005 гг. — 43,6% [6, р. 4]. Значительный разрыв в показателях флуктуации электората в поставторитарных и посттоталитарных странах объясняется во многом влиянием фактора исторического прошлого этих двух типов «новых демократий». Осуществление большинством авторитарных режимов глубокой экономической и социальной модернизации содействовало возникновению отчетливо выраженных структурных размежеваний, которые в процессе перехода к демократии получили оформление в виде достаточно устойчивых политических партий. Курс тоталитарных ре-

² Pedersen Electoral Volatility in Western Europe 1948–1977. URL: <http://janda.org/c24/Readings/Pedersen/Pedersen.htm>.

Таблица 2/Table 2

**Электоральная подвижность на парламентских выборах в период 2001–2018 гг., % /
Electoral mobility in parliamentary elections in the period 2001–2018, %**

Страна / Период	2000–2005	2005–2010	2010–2014	2014–2018	Средний показатель
Болгария	39,3	54,5	25,9	21,3	35,2
Венгрия	11,2	34,3	15,7	16,9	19,5
Латвия	25,5	61,0	22,8	40,8	37,5
Литва	50,3	50,4	49,3	39,9	47,4
Польша	34,9	24,9	12,9	32,3	26,2
Румыния	34,8	47,8	56,6	44,1	45,8
Словакия	28,0	29,4	21,1	29,8	27,0
Чехия	16,7	35,6	37,3	31,3	30,2
Эстония	45,3	10,4	16,7	19,8	23,0

Источник / Source: <http://www.electionresources.org>.

жимов, направленный на достижение социальной однородности общества, практически полностью разрушил сложившиеся структурные размежевания, тем самым уничтожив культурно обусловленный спрос на разнообразие партийно-политического представительства. Поэтому с переходом к демократии история политических партий в посттоталитарных странах началась фактически с чистого листа. «Важная характеристика посткоммунистического транзита в том, — отмечают в частности А. Багенхольм и А. Йоханссон, — что политические партии сформировались во время и после режимной трансформации, но не до нее» [7]. Развитие партий как организаций, мобилирующих поддержку избирателей на основе политической идеологии, сдерживалось также той специфической ситуацией, в которой оказались все посткоммунистические страны ЦВЕ в процессе освобождения от тоталитаризма. По сути, понимание неизбежности радикального реформирования неэффективной и неконкурентоспособной социалистической экономики, а также важности включения стран в общеевропейские экономические и политические структуры привело к возникновению идейного консенсуса ведущих партийных элит по поводу стратегической линии развития посткоммунистических «новых демократий». В условиях когда борьба за власть разворачивалась на довольно узком идеологическом пространст-

ве, партии создавались и действовали исходя из текущей политической конъюнктуры, а не политических запросов социальных групп и, опираясь на популистскую предвыборную риторику, стремились лишь повысить свои шансы на прохождение в парламент. При этом избиратели, получив возможность широкого выбора между различными партийными программами, не получили возможность выбора между разными политическими курсами. Следует также подчеркнуть, что в ситуации ограниченного выбора идеологических альтернатив единственной рациональной тактикой борьбы за повышение своей электоральной привлекательности оставалась постоянная организационная трансформация партий. Появление на электоральном поле новых политических игроков в результате расколов и слияний действующих партий, а также прежде не существовавших партийных структур стало характерной чертой политической жизни всех стран ЦВЕ. Поэтому можно согласиться с утверждением А. Иннес о том, что «сохраняющаяся нестабильность партийных систем фактически является прямым следствием того типа партийной конкуренции, который появился в Восточной Европе из доминирующего типа электоральной стратегии» [8]. Несмотря на то что к началу XXI в. были в значительной степени преодолены экономические и социальные проблемы, вызванные рыночной реформой,

и в массовом общественном сознании закрепились гражданские ценностные ориентации, партийные системы в посткоммунистических странах ЦВЕ не обрели устойчивости. Как следует из *табл. 2*, высокий уровень электоральной подвижности продолжает оставаться выраженным признаком политического процесса в посткоммунистических странах ЦВЕ, хотя в каждой из них динамика мобильности избирателей имеет свою специфику.

Исследования электоральной подвижности в странах Западной Европы показали, что ее уровень напрямую зависит от степени фрагментации и поляризации партийных систем. Безусловно, многочисленность партий, действующих на электоральном поле, дает избирателям возможность легко менять свои партийные предпочтения, что способствует повышению уровня электоральной подвижности. Как отмечают И. Деджегир и Р. Дассонвилль, «такое количество партий увеличивает вероятность того, что избиратель получает достойную поддержки альтернативу его предшествующего выбора» [9]. Напротив, небольшое число партий, контролирующих электоральное поле, вынуждает избирателей быть более последовательными при осуществлении своего выбора, что ведет к ограниченной или даже низкой электоральной мобильности. Не меньшее воздействие на электоральную подвижность оказывает и степень идеологической поляризации партийных систем. Нечеткость идеологических размежеваний повышает вероятность смещения поддержки избирателей от одной партии к другой. Напротив, отчетливо выраженное идеологическое расщепление партийной системы содействует снижению уровня флуктуации электората, укрепляя барьеры, разделяющие группы избирателей как носителей альтернативных ценностных ориентаций. Степень фрагментации

и поляризации партийных систем во многом зависит не только от социокультурной среды, в которой возникали и развивались политические партии, но и от избирательных правил, которые формируют модели поведения участников электорального процесса. Как отмечается в исследовании Международного института демократии и содействия выборам, «в большинстве случаев факт выбора избирательной системы скорее, чем другие, имеет глубокие последствия для политической жизни, однажды выбранная

система имеет тенденцию к сохранению, так как политические интересы организуются для извлечения из нее преимуществ»³. Так как избирательные системы основываются на разных принципах, их применение способно расширять либо ограничивать шансы новых участников избирательного процесса на включение в состав парламента, что усиливает либо ослабляет электоральную подвижность избирателей.

Необходимо подчеркнуть, что выбор типа избирательной системы стал непростым делом для политических элит посткоммунистических стран ЦВЕ, так как осуществление режимной трансформации требовало одновременного решения двух противоположных задач: обеспечить представительность и стабильность органов государственной власти. Первая могла быть достигнута за счет использования пропорциональной системы в многомандатных округах с низким электоральным порогом, которая бы способствовала увеличению числа политических партий, возникновению представительных парламентов и коалиционных правящих кабинетов. Вторая могла быть обеспечена за счет применения той или иной разновидности мажоритарной системы в одномандатных округах, которая бы содействовала сокращению количества партий и формированию стабильных правительств, опирающихся на сплоченное парламентское большинство. В посткоммунистических странах ЦВЕ, как следует из *табл. 3*, возобладали пропорциональные избирательные системы с использованием как открытых, так и закрытых списков, с невысокими электоральными порогами, не превышающими 5% для политических партий. Большинство стран приняли пропорциональную систему еще на начальном этапе демократического транзита, а Болгария и Румыния перешли к ней со временем, пройдя через череду избирательных реформ. В Венгрии и Литве на протяжении всей посткоммунистической истории на парламентских выборах используется смешанная избирательная система, при которой одна часть депутатов избирается на основе пропорционального принципа, а другая — на основе принципа большинства. Разрешение дилеммы в пользу представительности органов государственной власти отразило, прежде все-

³ La Conception des Systemes Electoraux Un manuel de International IDEA. Andrew Reynolds et Ben Reilly. Edition francaise, URL: <http://www.eods.eu/library/IDEA.Electoral%20Systems%20Design%20FR.pdf>.

Таблица 3 / Table 3

**Избирательные системы стран Центральной и Восточной Европы /
Electoral systems in Central and Eastern Europe**

Страна	Избирательная система и электоральный порог
Болгария	Пропорциональная с закрытыми списками, порог 4%
Венгрия	Смешанная с закрытыми списками, порог 5%
Латвия	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Литва	Смешанная с открытыми списками, порог 5%
Польша	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Румыния	Пропорциональная с закрытыми списками, порог 5%
Словакия	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Чехия	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Эстония	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%

Источник / Source: URL: http://www.stevendroper.com/elect_system.html.

го, мощный общественный спрос на широкое политическое участие, который сложился в посткоммунистических странах после распада однопартийных диктатур. Свою роль сыграло и то, что в условиях тоталитарных режимов так называемые выборы проводились с использованием мажоритарной системы простого большинства в одномандатных округах, и поэтому выбор пропорциональной системы или смешанной системы с весомым пропорциональным компонентом представлял собой стремление элит и граждан к созданию радикальной альтернативы прежним политическим порядкам. Как весьма точно отмечают Дж. Беласьяк и Дж. Халси, «после коллапса коммунизма выход на политическую арену множества мнений создал «дух включенности», который продвинул вперед строительство конкурентных институтов, благоприятствовавших принятию правил пропорциональной системы» [10].

Выбор большинством посткоммунистических стран ЦВЕ пропорциональной избирательной системы был вполне оправдан и с точки зрения строительства политических партий как влиятельного социального института. Известно, что голосование избирателей за партийные списки, а не за индивидуальных кандидатов, содействует как организационному укреплению самих партий, вынужденных совершенствовать свою структуру с целью охвата общенационального электорального поля, так и формированию устойчивой партийной иден-

тификации граждан, уясняющих связь своих социально-экономических интересов с программами партий. В то же время расплатой за использование принципа пропорциональности представительства становится значительный рост числа партий на политической арене, так как проникновение в парламент политических сил даже с небольшим электоральным потенциалом вполне возможно в одиночку, без вступления в коалицию с крупными партиями, что стимулирует повышение электоральной подвижности. Однако в группе стран ЦВЕ, отдавших предпочтение пропорциональной избирательной системе, уровни электоральной мобильности избирателей заметно различаются. Как следует из сравнения данных табл. 2 и 3, в рассматриваемый период не слишком высокий, по меркам посткоммунистических обществ, средний показатель электоральной подвижности (до 30%) имел место в большинстве стран, использовавших на парламентских выборах открытые партийные списки. К их числу относятся Польша, Словакия, Чехия, Эстония. Напротив, в Болгарии и Румынии, где применяются закрытые партийные списки, средний показатель электоральной мобильности был намного выше. Оценивая эту тенденцию, можно предположить, что граждане посткоммунистических стран, не испытывающие сильной приверженности политическим партиям, склонны больше доверять политическим персонам, которые за счет своих личных

качеств сохраняют устойчивые связи с избирателями от выборов к выборам. Очевидно, что данный политико-психологический феномен, который можно было бы назвать *персонализацией электорального поведения*, представляет собой типичное проявление посттоталитарного политического сознания, отмеченного верой в конструктивную роль руководителей и вождей. В этой связи следует согласиться с утверждением С. Бёрч о том, что «чем больше индивидуальные кандидаты могут удерживать персональную преданность избирателей, тем вероятнее они способны привязать избирателей к партиям более эффективно, чем партии могут это сделать своими средствами» [11]. Поэтому думается, что в условиях неустойчивой партийной идентификации граждан закрытые списки, предполагающие выбор только между партиями, а, значит, деперсонифицированное голосование, ослабляют и без того непрочные партийно-групповые связи. В предложенное объяснение динамики электоральной подвижности не вписывается кейс Латвии, где, несмотря на использование открытых списков, имел место довольно высокий средний показатель смены партийных предпочтений избирателей. Но, как уже отмечалось, в решении задачи построения общества социальной однородности Советский Союз продвинулся намного дальше, чем его сателлиты в Европе. Во многом поэтому процесс институционализации политических партий в постсоветских государствах развивался медленно и противоречиво. По-видимому, в ситуации крайне низкого уровня партийной идентификации избирателей сдерживающее воздействие открытых списков на электоральную подвижность уже не проявляется. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что национальные культуры республик, входивших в состав СССР, оказались в разной степени восприимчивы к политике советской унификации. Примером может служить Эстония, где сохранившиеся корни социокультурных различий содействовали укреплению партийной идентификации избирателей, свидетельством чего стал один из самых низких средних показателей электоральной подвижности среди стран ЦВЕ. Заметное влияние на смену партийных предпочтений избирателей в странах, использующих пропорциональную систему, оказал также уровень электоральных порогов. Как видно из сравнения данных *табл. 2 и 3*, в таких

странах, как Польша, Словакия, Чехия, Эстония, применяющих 5%-ный заградительный барьер, наблюдается не слишком высокий средний показатель электоральной подвижности. Более высокий уровень электоральной мобильности избирателей, отмечаемый в Болгарии, очевидно, связан в том числе и с использованием 4%-ного заградительного барьера. Таким образом, в ситуации неустойчивости партийной идентификации избирателей некоторое снижение электоральной подвижности при применении пропорциональной системы достигалось за счет сочетания открытых списков с умеренно высоким электоральным порогом.

Второй по частоте использования посткоммунистическими и постсоветскими государствами является смешанная система. Следует подчеркнуть, что данный тип избирательной системы, предоставляющий избирателям право поддержать одним своим голосом партийный список, а другим — индивидуального кандидата, увеличивает число каналов доступа партий в парламент. Таким образом, число партий, участвующих в выборах, имеет тенденцию к увеличению, что объективно создает условия для усиления электоральной подвижности. Ведь наряду с крупными партиями, ведущими борьбу за голоса избирателей в многомандатных округах и располагающих поддержкой для преодоления электорального порога, в избирательную кампанию включается немало средних и малых партий, рассчитывающих провести в парламент своих представителей, победив в одномандатных округах. Как отмечает С. Бёрч, смешанные системы «расширяют набор типов конкурентов, которые способны добиваться представительства — от независимых и неидеологизированных политических предпринимателей с очень локализованной и персонализированной поддержкой социальных сетей до ярко выраженных программных партий с небольшими и рассеянными группами сторонников, которые разделяют систему убеждений и преданы общей идеологии» [12]. При этом основной акцент на решении общенациональных проблем, который делают крупные партии, и специализация небольших политических организаций на выражении местных интересов могут содействовать расщеплению партийных предпочтений избирателей. Среди стран, отобранных для изучения, смешанную систему используют Венгрия и Литва, которые,

как следует из *табл. 2*, занимают диаметрально противоположные позиции по среднему показателю электоральной мобильности. Именно этот факт позволяет утверждать, что выбор типа избирательной системы предполагает точную оценку того политико-культурного контекста, в котором будут применяться избирательные правила. Пример Венгрии, где, несмотря на использование смешанной системы, имеет место самый низкий уровень электоральной подвижности, свидетельствует о сдерживающем воздействии политической культуры на флуктуацию электората. Заметим, что внедрение элементов рынка в сельском хозяйстве и торговле еще в период социализма позволило сохранить достаточно дифференцированную структуру венгерского общества, ставшую в период демократизации базой весьма устойчивой партийной системы. Что же касается электоральной формулы, то в Венгрии применяется разновидность смешанной системы с элементами компенсации. Неиспользованные голоса избирателей, поданные за кандидатов партии в одномандатных и региональных многомандатных округах, учитываются при распределении мандатов по национальным спискам партии. Как показывает электоральная практика, прежде всего ФРГ, применение смешанных компенсаторных систем способствует тому, что избиратель, голосуя в одномандатном округе за индивидуального кандидата, нередко делает выбор в пользу того, кто представляет политическую партию, список которой избиратель поддержал в многомандатном округе. Иными словами, такой тип смешанной системы содействует большей последовательности электорального поведения граждан, а значит, и меньшей электоральной подвижности. Добавим к этому, что в 2010 г. Венгрия перешла в избрании депутатов в одномандатных округах от принципа абсолютного к принципу относительного большинства. Голосование в один тур, в отличие от двухтуровых выборов, исключает дезориентирующее избирателей маневрирование партий накануне второго тура, что благоприятствует снижению электоральной мобильности избирателей. В отличие от Венгрии, Литва несла на себе более отчетливый отпечаток политики построения социально однородного общества, которая осуществлялась в Советском Союзе. Поэтому процесс демократизации, как и в большинстве

постсоветских государств, не привел к формированию устойчивой партийной идентификации литовских граждан. Использование в этих условиях смешанной избирательной системы трудно назвать правильным выбором, так как присущий ей эффект расширения партийных предпочтений избирателей проявился в наибольшей степени, содействуя росту электоральной подвижности. В отличие от Венгрии, в Литве применяется параллельная смешанная система без каких-либо элементов компенсации. Распределение мест в парламенте, полученных партией в многомандатных округах, никак не связано с результатами ее борьбы за победы в одномандатных округах. Независимость друг от друга парламентских результатов двух видов голосования ведет, как правило, к непоследовательности электорального поведения избирателей, которая возрастает в обществах с нечеткими линиями социокультурных размежеваний. Высокий средний показатель электоральной подвижности в Литве связан и с тем, что выборы половины депутатов парламента в одномандатных округах проводятся на основе принципа абсолютного большинства в два тура. Как уже было отмечено выше, двухтуровое голосование, предполагающее перегруппировку партийных сил накануне второго тура, способно дезориентировать избирателей, усилив, тем самым, их электоральную мобильность.

Таким образом, можно сделать вывод, что сохраняющийся в посткоммунистических странах ЦВЕ высокий уровень электоральной подвижности является одной из главных причин неустойчивости партийных систем, что оказывает негативное влияние на процесс демократического развития. Выбор большинством государств ЦВЕ пропорциональной либо смешанной избирательной системы был исторически оправданным шагом в процессе освобождения от тоталитарного наследия. Однако на современном этапе, когда задачи демократического транзита уже решены, условием консолидации демократических режимов становится не повышение предствительности, а укрепление стабильности органов государственной власти. Поэтому следует ожидать шагов правящих элит государств ЦВЕ в направлении осуществления мажоритарных по своей сути реформ избирательных систем с целью снижения уровня электоральной мобильности избирателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс; 2002. 537 с.
Almond G., Powell J., Strom K., Dalton R. Comparative political science today: World review, Moscow: Aspect Press; 2002. (In Russ.).
2. Epperly B. Institutions and Legacies: Electoral Volatility in the Post-communist World. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/518c/4f73e564c83d640c9ff1b75fbdee80c6dfdd.pdf>.
3. Schattschneider E. Party Government: American Government in Action; With a new introduction by Sydney A. Pearson. URL: https://books.google.com/books/about/Party_government.html?id=KJZu0qE0IKAC.
4. Janda K. Comparative Political Parties: Research and Theory. 1993. URL: http://janda.org/comparative%20parties/Janda_on_parties.htm.
5. Birch S. Electoral Systems and Party System Stability in Post-Communist Europe. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/c485/d2962834357ee1a1443a6861804ec0831b1e.pdf>.
6. Mainwaring S., Gervasoni C., Espana A. Extra- and within-system electoral volatility. URL: https://www.academia.edu/22310372/Extra-_and_Within-system_Electoral_Volatility.
7. Bagenholm A. Johansson A. Why are the post-communist party systems not stabilizing? URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4e82214b-da99-4d0d-827b-7a44b5ff01fc.pdf>.
8. Innes A. Party Competition in Post-communist Europe: The Great Electoral Lottery. URL: <https://e-edu.nbu.bg/mod/resource/view.php?id=288365>.
9. Dejaeghere I., Dassonneville R. The Impact of the Party System on Electoral volatility. A Cross-Countries Analysis of Inter-Election Switching. URL: https://www.sociology.ox.ac.uk/materials/documents/epop/papers/Dejaeghere_Dassonneville_EPOP2012.pdf.
10. Bielasiak J., Hulsey W. Party Systems Determinants of Electoral Reform in the Post-communist States. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/2400ae4c-94e5-4e48-bb2b-798dcc95dc09.pdf>.
11. Birch S. Electoral Systems and Political Transformation in Post-Communist Europe Palgrave Macmillan. URL: <https://www.academia.edu/25223073>.
12. Birch S. The Effects of Mixed Electoral Systems in Eastern Europe. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.107.8170&rep=rep1&type=pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ChepelSL@mpei.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Chepel — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ChepelSL@mpei.ru

Статья поступила 07.07.2020; принята к публикации 11.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 07.07.2020; accepted for publication on 11.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.